

драмы, поставленной, судя по ряду признаков, именно там, при местной «латинской» школе.

Следует, наконец, указать, что В. П. Адриановой-Перетц принадлежит первый и пока единственный в нашей науке опыт изучения сценической истории старинного школьного театра. Историки школьной драмы этой стороне дела обычно не уделяли должного внимания. Пробел этот и восполнила В. П. Адрианова-Перетц в 1928 г. статьей «Сцена и приемы постановки в русском школьном театре XVII—XVIII вв.». За полным отсутствием какого-либо документального материала В. П. Адриановой-Перетц здесь, решая эту проблему, пришлось обратиться прежде всего к сопровождающим пьесы ремаркам и произвести весьма сложное и кропотливое исследование: на основании ремарок попытаться восстановить казалось бы невозможное — рядовой школьный спектакль в его наглядном сценическом воплощении. Режиссеры («хореги») школьного театра и у нас и на Западе, ставя ту или иную пьесу, опирались не только на опыт свой собственный и своих предшественников, но руководствовались также некоторыми пособиями, специально для них составленными; учитывая это обстоятельство, В. П. Адрианова-Перетц привлекла к исследованию и эти пособия: известный трактат Я. Масена «*Speculum imaginum veritatis occultae*» (1650), трактат Ф. Ланга «*Dissertatio de actione scenica*» (1727). В результате ей удалось, систематически проверяя данные ремарок этими латинскими руководствами, установить не только единство театрального стиля русского и западноевропейского школьного театра, но и то новое, что внесли в свои постановки русские «хореги». В статье находим подробную характеристику всех тех элементов, из которых складывался школьный спектакль: и устройства сцены, и декораций, и бутафории, и ряда характерных сценических эффектов — грома и молнии, живых картин, теневых изображений, и даже костюма, в котором выступали как реальные персонажи, так и разные *personae fictae* — античные боги и столь излюбленные школьным театром аллегорические фигуры.

Говоря о работах В. П. Адриановой-Перетц, посвященных старинному театру, нельзя не упомянуть и об одной ее небольшой статье, темой которой явилась другая новинка русской культуры — стихотворство. В заметке «Из начального периода русского стихосложения» (1921) она привела факт, чрезвычайно интересный для характеристики того момента, когда в русской литературе еще только зачиналось искусство «пиитического рифмотворения». Речь идет о конце XVI — самом начале XVII в. Материал, приведенный В. П. Адриановой-Перетц, свидетельствует о том, что уже в это время, лет за двадцать до появления первых известных нам образцов русского виршевого стихотворства, некоторые писатели, даже те, подозревать которых в пристрастии к такому занятию, как сочинение стихов, было бы по меньшей мере странно, например первый всероссийский патриарх Иов, вдруг стали писать так: «**Воинства храброе ополчение, и невозвратное устремление. . . Супротивники наши побежаются, и брани повсюду разсыпаютца. . . Невернии языци победишася, и отеческия грады паки к нему возвратишася. . .**». Это еще, конечно, не стихи, а типичная рифмованная проза, которой автор время от времени пересыпал свое изложение. Но факт тем не менее остается фактом: строки эти говорят о том, что уже на рубеже XVI—XVII вв. (В. П. Адрианова-Перетц привела наиболее ранний по времени пример) появился интерес к рифме, к «двострочному согласию», предвещающий появление стихотворства.

Привлекала внимание В. П. Адриановой-Перетц и переводная литература XVII в. В статье «К истории легенды о странствующем жиде в ста-